

Линь Ин не ожидал, что воспитанный им самим юноша с мягким характером будет так настойчиво допрашивать его. В его глазах мелькнуло недоумение.

Прежде чем он успел ответить, снаружи раздался резкий и пронзительный свист. В окне мелькнуло несколько теней, и прежде чем кто-либо успел сообразить, внутрь влетело несколько коротких стрел, которые пробили спину господина Линя.

Нападавшие, словно боясь, что он не умрёт окончательно, выпустили ещё одну стрелу, прежде чем ученики семьи Шэн успели подойти. Затем раздалось два коротких свиста.

Острая стрела, сопровождаемая свистом ветра, пробила оконную бумагу. Шэн Ланьчу, проявив молниеносную реакцию, толкнула Дунъян Яня вниз, и стрела пролетела у него над головой, направляясь прямо в лицо У Няня.

Сердце Сы Хуая, сделанное из глины, почти остановилось. Не раздумывая, он бросился вперёд, чтобы защитить У Няня. Острый наконечник стрелы пробил одежду и вонзился в левую часть груди. Человек позади вскрикнул, раскрыв объятия, чтобы принять его.

Снаружи светило яркое солнце, а на ветке дерева, начинающего терять листья, сидели две птицы. Их пение было чистым и мелодичным, отражая настроение Сы Хуая.

Сы Хуай держал в одной руке скучный сборник анекдотов, а другой подпирал голову, с интересом наблюдая за У Нянем, который зашивал дыру в его одежде.

— Учитель, вы действительно мастер на все руки, — искренне похвалил Сы Хуай, мысленно добавив: «Ваши навыки рукоделия значительно улучшились по сравнению с прошлой жизнью».

У Нянь был слишком сосредоточен на своей работе и не услышал его слов. Зато маленький монах, чистивший рядом фрукты, покачивая головой, произнёс:

— Монахи всё делают сами, и с практикой приходит мастерство. Вот — фрукт, — Чэнь И протянул ему очищенный фрукт, глаза его светились, и он присел перед Сы Хуаем, любопытствуя:

— Почему вы вчера бросились на стрелу за моего учителя? Наконечник стрелы был толще моего большого пальца, и, должно быть, было очень больно!

У Нянь, который в этот момент прислушивался, уловил слова Сы Хуая. Он лишь спокойно улыбнулся, погладил маленького монаха по голове и сказал:

— Это просто моя природа. Если бы стрела была направлена на тебя, я бы тоже бросился на неё, и твой учитель сделал бы то же самое.

— Он бы не стал! Он бы оттолкнул меня! — Чэнь И понизил голос, повернулся к У Няню и показал язык.

Сы Хуай взглянул на У Няня, который снова сосредоточился на шитье, и почувствовал лёгкую грусть.

Его природа была правдой, но, вероятно, только по отношению к У Няню он был готов броситься на стрелу, даже зная, что тот сможет увернуться.

У Нянь, видимо, чувствовал себя виноватым, и после того, как вчера вечером дождался, пока

Сы Хуай уснёт, с утра пришёл к нему в комнату с Чэнь И, чтобы помочь ему умыться, поесть и зашить одежду, порванную прошлой ночью.

Сы Хуай не смог его переубедить и позволил ему взять одежду для починки. Глядя на чёрный плащ, который У Нянь держал на коленях, быстро двигая иглой, он почувствовал, что его совесть немного болит.

Его тело, хотя и казалось живым после долгого использования, всё же было сделано из глины. Если только это не было высокоуровневым духовным оружием, которое могло бы повредить его изначальному духу, проделать в нём тысячу дыр не составило бы труда.

Стрела, попавшая в него прошлой ночью, была обычной. Те люди, которые напали, хотели убить лишь Линь Ина, а он не был практикующим из кланов заклинателей. Не было необходимости прилагать большие усилия, чтобы справиться с ним, ведь на Равнине Саньму любой след мог быть обнаружен семьёй Шэн.

Поэтому, хотя стрела с крючковатым наконечником пробила его тело, Сы Хуай даже не моргнул.

Он планировал быстро залечить рану после того, как все уйдут, но, увидев, как У Нянь беспокоится и остаётся, чтобы ухаживать за ним, он внезапно решил подшутить и намеренно углубил рану, снял верхнюю одежду и позволил ему тщательно перевязать её.

Тень Шэн Цзиньчэна мелькнула у окна, и вскоре он появился у двери. Он постучал в дверь для вида и, увидев У Няня и Чэнь И, выразил лёгкое удивление, после чего поднял кувшин с вином и улыбнулся:

— Мне достался новый кувшин хорошего вина, и я хотел пригласить брата Ци Чжоу выпить. Не знал, что здесь будут и два учителя.

Чэнь И, изменив своё поведение, поспешно встал с пола и кивнул ему пару раз в знак приветствия.

Сы Хуай взглянул на маленького монаха, который торопливо собирал кожуру фруктов, и ему стало немного смешно. Раньше он был красноречив перед практикующими, но, похоже, перед вежливым молодым господином он терялся.

Он взял верхнюю одежду с кровати и собрался встать, но У Нянь подошёл к нему и снова усадил.

— Уважаемый Сы Хуай, у вас рана, вам следует избегать алкоголя.

Шэн Цзиньчэн, словно вспомнив об этом, постучал себя по голове и с виноватой улыбкой сказал:

— Я забыл, прошу прощения. В таком случае, брат Ци Чжоу, выздоравливайте, и если вам что-то понадобится, просто скажите слугам. Мы выпьем в другой раз.

Сы Хуай взглянул на Шэн Цзиньчэна и заметил, как на его лице мелькнула тень печали, когда он повернулся.

Линь Ин прожил в Фэнмянь десять лет и всё это время был его частным учителем. Раньше он с уважением отзывался о мудром и справедливом господине Лине, и сейчас, вероятно, ему было

тяжело на душе. Придя сюда с вином, он, скорее всего, хотел поделиться своей горечью с чужим человеком.

— Подождите! — Сы Хуай окликнул его, отстранив руку, лежащую на его плече. — Тело практикующего не настолько хрупко. После небольшой медитации всё будет в порядке. С утра я съел лишь миску рисовой каши, и до сих пор во рту пресный вкус. Мне бы хотелось чего-то мясного.

— Э-э... — У Нянь встал между ними, посмотрел на Сы Хуая, затем на Шэн Цзиньчэна, и с неуверенной улыбкой спросил:

— Могу ли я присоединиться?

— Учитель! — Чэнь И, с выражением «я так и знал», хлопнул себя по лбу и отвернулся, явно не желая смотреть.

— Э-э... конечно, — Шэн Цзиньчэн немного замешкался, поднял кувшин с вином и неуверенно спросил:

— Учитель, вы тоже пьёте?

— Амитофо, признаюсь, я монах, который ест мясо и пьёт вино, — У Нянь взял кувшин, бережно держа его в руках, и пошёл искать чашки для вина.

Сы Хуай пожал плечами, поправил одежду и последовал за ним, спросив:

— В прошлый раз мы пили чай и ели простую пищу, я и не знал, что учитель ест мясо и пьёт вино.

Кстати, в прошлой жизни Лин Цзюнь тоже под его влиянием пробовал вино и мясо. Может быть, он решил, что это слишком вкусно, и в этой жизни переродился в монаха, который ест мясо и пьёт вино?

— Один раз — случайность, два раза — закономерность. Во второй раз я уже не стал скрывать, — У Нянь, пока говорил, уже налил вино в чашку, понюхал его и с радостью сказал:

— Аромат вина насыщенный, это отличный напиток. Давайте быстрее!

— ... — Разве так говорят?

Шэн Цзиньчэн тихо рассмеялся и уже собирался выйти, чтобы позвать слуг принести еду, как встретил ученика, который что-то шепнул ему.

Помолчав, он повернулся к ним и сказал:

— Господин Линь очнулся!

Мастерство врачей семьи Шэн не было пустыми словами. Линь Ин, получивший сквозное ранение в плечо и потерявший много крови, не должен был прийти в себя так быстро, но вот он уже мог говорить.

Когда они прибыли, старый глава семьи Шэн и Шэн Ланьчу уже некоторое время разговаривали с ним. Последняя стояла, скрестив руки на груди, с мрачным выражением лица, опираясь на край стола. В комнате не было Дунъян Яня, вероятно, они снова поссорились.

— Синь Юнь, что ты ещё скрываешь? Те люди хотели забрать твою жизнь! — Глава семьи Шэн сжал руку Линь Ина с большей силой, выражая разочарование.

Линь Ин взглянул на вошедших и горько улыбнулся, с трудом покачав головой.

— Не то чтобы я не хочу сказать, но я действительно не знаю, кто этот человек. Я также не знаю, были ли те, кто хотел убить меня прошлой ночью, его людьми. Очень многие хотят меня убить.

У автора есть что сказать: «Дин — сегодняшняя порция обновлений».

Сегодня вечером я вдруг почувствовал себя подавленным. Автору кажется, что он немного запутался в сюжете, и читателей становится всё меньше. Внезапно нахлынула грусть, и я готов заплакать Т^Т.

Подожду, пока успокоюсь, и продолжу писать (>_

<http://bllate.org/book/16805/1545860>